

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Д. А. Гутнов

КАК ПРЕПОДАВАЛИ ИСТОРИЮ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(По мемуарам преподавателей и слушателей)

До 1917 г. основные научные кадры были сосредоточены в высших учебных заведениях, и большинство из дореволюционных историков совмещали свою научную работу с каждодневным преподавательским трудом.

На историко-филологическом факультете Московского университета работали самобытные ученые и преподаватели. Среди ученых старшего поколения можно назвать корифеев исторической науки В. И. Герье и В. О. Ключевского, среднее было представлено такими талантливыми исследователями, как П. Г. Виноградов или М. С. Корелин по всеобщей истории и П. Н. Милюков по русской. Наконец, широко известны имена историков младшего поколения, работавших в стенах факультета в предреволюционные годы — Р. Ю. Виппер, Д. М. Петрушевский, М. М. Богословский, М. К. Любавский и другие.

Тогда как усилиями отечественных историографов довольно обстоятельно и скрупулезно составлены научные портреты ведущих представителей исторической науки Московского университета, гораздо меньшее внимание уделено их преподавательской деятельности. Между тем все научные взгляды этих историков возникли, развивались и окрепли в постоянном и непосредственном контакте со студенческой аудиторией. Именно студенты были одними из первых слушателей, ценителей, а то и критиков высказываемых с университетских кафедр научных новаций. Для более полного раскрытия своих взглядов, концепций каждый из ученых прибегал к наиболее удобному для него формам и методам ведения занятий.

Некоторые питали большее расположение к чтению лекций, другие — к проведению семинаров. Уже из этого вытекает разница педагогических подходов, вкусов и устремлений. Роднило же участников обучения глубоко разделяемое всеми убеждение, что «..профессор не должен сидеть у себя в углу, что профессор есть общественное достояние, а университет — не монастырь кабинетных отшельников, но живой орган культурного процесса»¹. И каждый преподаватель вносил своим трудом посильную лепту в углубление этого процесса.

Попытка выделения различных подходов к историческому образованию актуальна не только в плане историографическом. Она имеет и вполне современный практический аспект, ибо в наши дни, в условиях реформ высшего образования, упразднения его отживших организационных и методических основ, возможно, не только новое, но и хорошо забытое старое сможет оказать существенную помощь, послужить примером и образцом.

Из документов мемуарного характера мы можем почерпнуть живые и наиболее яркие отклики современников на профессиональную

¹ Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. Прага, 1927. С. 14.

деятельность преподавателей того времени. Большинство из использованных нами воспоминаний принадлежит лицам, впоследствии так или иначе связавшим свою судьбу с исторической наукой. Поэтому их оценки, сделанные уже по прошествии довольно длительного времени после окончания университета, носят не только личный, но и профессиональный характер. Близость во многих случаях восприятия авторов может расцениваться как своеобразный критерий истинности сообщаемого.

Среди мемуаристов были историки, которые после Октябрьской революции покинули родину и писали свои труды вдалеке от нее — П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, учившийся одно время на историко-филологическом факультете В. А. Маклаков и другие². В 1930 г. тоска русской эмиграции по традициям Московского университета вылилась в ряд публикаций о нем. Среди них основное место занимает сборник «Московский университет 1755—1930»³. О традициях Московского университета, историческом образовании в дореволюционное время писали и советские историки Ю. В. Готье, Н. М. Дружинин, В. И. Пичета, С. И. Радциг, М. М. Богословский⁴.

Достаточно обширные сведения о преподавателях факультета содержат сборники статей памяти отдельных ученых. Так, еще до революции вышел в свет «Сборник речей памяти князя С. Н. Трубецкого»⁵, известного философа и первого выборного ректора Московского университета после отмены Устава 1884 г. После смерти выдающегося русского ученого медиевиста профессора Московского университета А. Н. Савина, в 1923 г., только что созданный РАНИОН опубликовал воспоминания учеников этого историка⁶. Несколько позже в связи с кончиной Д. М. Петрушевского, известного русского и советского исследователя, в память о нем был издан один из первых сборников «Средние века»⁷, включивший воспоминания его коллег и учеников.

Рассмотренные источники создают вполне определенную картину постановки высшего исторического образования на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX — начале XX столетия. Картину, которую и хотелось бы вкратце обрисовать на этих страницах.

Перенесемся же в стены университета вековой давности. Как писал в своих воспоминаниях об этом времени П. Н. Милюков: «В Университете было еще много старины и много чудачества в старых профессорских типах. Сами по себе, пожалуй, не дурные, наши профессора поражали своими отрицательными сторонами. Мы сразу отметили чиновное отношение к науке у иных из них, торжественное чванство, не оправдывавшееся научным содержанием, у других, и сухой формализм

² См.: Милюков П. Н. Мои воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1—2; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929; он же. Московский университет и его традиции. Прага, 1927; Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

³ Московский университет. 1755—1930. Париж, 1930.

⁴ См.: Готье Ю. В. Университет//Вестн. Моск. ун-та. 1982. № 4; Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1978; Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897—1901)//Славяне в эпоху феодализма: к 100-летию акад. В. И. Пичеты. М., 1978; Радциг С. И. Страницы из воспоминаний//Советское студенчество. 1937. № 10; Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.

⁵ Сборник речей памяти князя Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1909.

⁶ Памяти А. Н. Савина. М., 1926.

⁷ Средние века. М., 1946. Вып. 2.

третьих»⁸. Однако были среди них и такие, которые составили честь и славу русской исторической мысли.

Безраздельно владел умами студенчества в 70—90-е годы прошлого столетия занимавший кафедру русской истории Василий Осипович Ключевский. Его деятельность в стенах университета была явлением не только общеуниверситетского, общемосковского, но и общероссийского масштаба. Недаром студенты дали ему прозвище «Слон»⁹, как бы подчеркивая этим безусловное признание его «величины». На лекции Ключевского, читаемые из года в год, но обязательно четыре часа в неделю (два в среду и два в субботу), собирались не только слушатели историко-филологического факультета, но и студенты других факультетов и даже других высших учебных заведений. На его публичных лекциях присутствовал весь цвет московского общества. Чтобы послушать Ключевского, люди ехали в Москву за тысячи верст. Из-за него поступали на историко-филологический факультет. Так, например, случилось с А. А. Кизеветтером, который после окончания гимназии в Оренбурге приехал в Москву поступать к Ключевскому.

Пожалуй, нет ни одного мемуариста, который не осветил хотя бы мельком эту фигуру. А читая воспоминания, невозможно не согласиться с тем, что это был прежде всего прирожденный лектор. Итак...

«...Аудитория ждет не дожидется, когда же, наконец, появится, идя торопливой походкой, с неизменным портфелем в руках любимая фигура профессора, невольно привлекая к себе внимание. Все в нем, начиная с его выразительной внешности, было своеобразно и самобытно. Он никому не подражал и ни на кого не походил, он создан был во всем оригиналом и ни в чем копией. Начать с самой манеры чтения. Все у нас читали сидя: Ключевский читал всегда стоя, стоял на ступеньках кафедры, опираясь на ее боковую часть... Первые несколько секунд проходили в технических приготовлениях. Из принесенного с собой портфеля он вынимал целый запас вспомогательных аппаратов, развязывал папку с тетрадями, доставал какие-то маленькие листочки, книги, все это тщательно раскладывал в центре и на боковом приспособлении кафедры, искусно этой вступительной паузой давая аудитории возможность окончательно сосредоточить свое внимание. Затем, обыкновенно с краткого резюме предыдущей лекции начиналось изложение. С первых же слов самими звуками своего не сильного, но чрезвычайно мягкого, гибкого, подвижного, богатого модуляциями ... необыкновенно приятного голоса он уже завоевывал внимание слушателей, превращал их, если можно так выразиться, в слух. Искусно маскируя свой прием, он читал лекцию по лежавшему перед ним тексту, но читал с художественной выразительностью, интонациями и даже самой игрой лица изображая читаемое... И благодаря этому его лекции неизгладимо врезывались в память», — пишет в своих мемуарах М. М. Богословский¹⁰. О той атмосфере, которая царила на лекциях В. О. Ключевского, достаточно подробно вспоминает и А. А. Кизеветтер: «...Ключевский был виртуозом красноречия. Сила его речи состояла не только в необычайной художественной красоте, но вместе с тем она всегда была густо насыщена неожиданнейшими оборотами мысли и ее словесного выражения, сверкала поражающими афоризмами, восхищала

⁸ Милюков П. Н. Мои университетские годы//Московский университет 1755—1930. Париж, 1930. С. 262.

⁹ См.: Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 57.

¹⁰ См.: Богословский М. М. Из воспоминаний о Ключевском//Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 64.

остроумнейшими сближениями понятий. Ключевский ни на минуту не оставлял слушателя в покое, ошеломлял его непрерывными сюрпризами своей мыслительной, стилистической изобретательности... При этом он, подобно Прометею, менял весь свой облик, менялись выражения нервноподвижного лица, которое мимировало в такт речи; менялась жестикуляция, менялась интонация гибкого тихого голоса... Это был лектор — артист...»¹¹

Из сказанного видно, что при чтении своих лекций В. О. Ключевский максимально использовал все доступные ему средства воздействия на аудиторию — от строго логического построения материала до красочных и эмоциональных форм выражения мысли. Сливаясь, оба эти приема превращали лекции в подлинное чудо. Даже некоторые слабости, которыми обладал Василий Осипович, он умел подавать так, что они усиливали эффект воздействия на слушателей.

Так, по воспоминаниям В. А. Маклакова, лектор временами на минуту замолкал, часто не в самых подходящих для этого моментах: «...одной из причин этой своеобразной манеры Ключевского было его легкое заикание. Этот недостаток он старался скрывать: только разглядывая его вблизи, можно было заметить, что, когда он неожиданно умолкал и делал как-будто непонятную паузу, его нижняя челюсть начинала усиленно и беспомощно дергаться. Он делал вид, что пауза вызвана тем, что он думает и сосредотачивается. Часто пауза приходила не там, где ей по смыслу полагалось быть; те, кто не знал про его заикание, могли думать, что он или оригинальничает, или не находит нужного слова; но в результате это скрытое заикание не только не вредило Ключевскому, но придавало оригинальность и даже прелесть его своеобразной манере»¹². При этом его повествование было логически выверенным и фактически точным.

Вообще, смысловое построение лекций Ключевского восхищало аудиторию в не меньшей степени, нежели их эмоциональная окраска. Стоит прислушаться к наблюдениям А. А. Кизеветтера относительно того, в какой последовательности давал Ключевский учебный материал, как он строил свои объяснения хода русской истории: «Признавая основным фактом русской истории колонизацию, Ключевский делил историю по периодам и по главным этапам этого колонизационного процесса и затем для каждого периода выдерживал один и тот же план изложения. Сначала давалась очень яркая картина политического строя данного периода. Доведя характеристику этого строя до такой степени ясности, что слушателю начинало казаться, что он уже проник в самую суть тогдашней исторической действительности, Ключевский затем раздвигал рамки изложения и перед слушателями сразу открывалась обширная картина отношений социальных, как основы изученного ранее политического строя. И когда слушатель начинал думать, что он уже держит в руках ключ от всех замков исторического процесса, лектор еще раз раздвигал рамки изложения в новую область фактов, переходя к изображению народного хозяйства соответствующего периода и показывая, как складом народно-хозяйственных отношений обуславливались особенности и политического и социального строя... При таком порядке изложения чрезвычайно выпукло обрисовывалась взаимосвязь исторических явлений и перед слушателем вырасталась схема русской истории, законченная, стройная, пленяющая умственный взор выдержанностью своих линий»¹³.

¹¹ Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. Прага, 1927. С. 18.

¹² Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 300—301.

¹³ Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. С. 57—58.

Конечно, далеко не все слушатели искали в лекциях профессора объективное объяснение хода российской истории. В. А. Маклаков отмечал в этой связи, что часто «...публика замечала в ... лекциях не то, а особенно ... острые слова и злые характеристики: они совпадали с общим либеральным к старине отношением и ему Ключевский был обязан значительной долей своей популярности. По тем же причинам многие считали курсы Ключевского вредными: его упрекали, что он рисует только темные стороны нашей истории, развенчивает наших национальных героев»¹⁴.

Все перечисленные свидетельства позволяют выделить целую школу в университетском преподавании с широким спектром методов и приемов — от возбуждения чисто человеческого интереса к предмету исследования до его раскрытия как в смысле всестороннего изучения самого феномена, так и в смысле описания его последовательного развития.

Расскажем немного и о других преподавателях этой школы. Студенты конца 80-х — начала 90-х годов отмечали блестящего лектора по истории древнерусской литературы профессора Николая Сергеевича Тихонравова. Его лекторский талант признавался всеми. Недаром именно ему из года в год руководство университета поручало произносить торжественные речи на университетских праздниках и собраниях. Как писал А. А. Кизеветтер: «Тихонравов и Ключевский были два магнита, которые неудержимо притягивали москвичей в Университет каждый раз, когда они выступали от лица Университета на открытии университетских торжеств. Послушать Тихонравова и Ключевского это было для каждого москвича великим праздником. Оба были замечательными ораторами. Но каждый отличался особым типом красноречия. Тихонравов стоял на кафедре с суровым, торжественным лицом, которое оставалось неподвижным, как бы застывшим, в то время как из его уст лилась плавно и размеренно ковванная речь, и каждое слово в этой спокойной речи, произносимой красивым низким баритоном, словно впечатывалось неизгладимо в мозг слушателя, словно врезалось в его память своей вескостью, своей образностью, меткостью и красотой. После первых же двух-трех фраз вся аудитория была уже всецело захвачена оратором, отдавалась в его власть, вибрировала в унисон с переливами его речи, а лицо оратора все оставалось торжественно бесстрастным, в то время как аудитория сотрясалась взрывами бурного хохота»¹⁵.

На лекциях, посвященных своему предмету, Тихонравов также раскрывался как недюжинный оратор и блестящий специалист в своем деле. Об этом писал П. Н. Милюков, несколько ранее А. А. Кизеветтера познакомившийся с этим профессором: «...Н. С. Тихонравов был, конечно, первым по степени влияния, — вспоминает Павел Николаевич, — он читал свои лекции по тетрадкам, иногда успевшим пожелтеть. Но содержание лекций свидетельствовало о широком взгляде на предмет и большой личной научной работе, вознагражденной оригинальными результатами. А манера чтения, кокетничавшая необыкновенным искусством оживлять старинные тексты, заставляла дожить посещением лекций...»¹⁶.

Среди весьма популярных на факультете преподавателей, чьи лекции пользовались неизменным вниманием в студенческой среде, был

¹⁴ Маклаков В. А. Отрывки из воспоминаний//Московский университет 1755—1930. Париж, 1930. С. 307.

¹⁵ Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции. С. 16.

¹⁶ Милюков П. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 266.

Сергей Федорович Фортунатов. Специалист по истории политических учреждений и политической истории западных стран, он привлекал к себе не только прекрасным знанием материала, но и манерой поведения на кафедре. Обратимся к свидетельствам современников: «С. Ф. Фортунатов читал курсы по истории Англии, Соединенных Штатов Северной Америки, Французской Революции. Он обладал феноменальной памятью. Политическая история Соединенных Штатов была ему известна в мельчайших подробностях, как будто это была его личная биография... С такой же точностью он знал всю подноготную английских парламентских политических деятелей всех эпох и представлял собою живую ходячую летопись парламентской жизни этих стран. При этом он обладал даром увлекательного драматического изложения и передавал перипетии парламентских конфликтов былых времен с таким увлечением, будто бы тут ставилась на карту его политическая карьера»¹⁷.

Студентам середины 90-х годов прошлого — начала нынешнего века памятна и фигура князя Сергея Николаевича Трубецкого — неординарного философа и общественного деятеля. Его курсы по истории философских учений с равным интересом посещали слушатели всех отделений историко-филологического факультета: «Когда студент I курса переступал порог Университета и попадал на лекции С. Н. Трубецкого, — вспоминал С. А. Котляревский, — ...перед ним раскрывалась глава из истории человеческой мысли, одна из самых интересных глав. Перед его взором наивный мифологический образ давал толчок к первым философским исканиям ... у слушателя постепенно укреплялось сознание, что здесь дается некоторое откровение мирового разума, что здесь поднимаются вопросы, которые являются самыми жизненными для всего человечества... Но такой подъем философского воодушевления создавался на почве глубокой эрудиции глубокой исследовательской работы, стоящей на уровне современной науки»¹⁸.

«Трубецкой был лектором увлекательным, музыкальным. Он был весь подвижен на кафедре, но жестикулировал мало... Чувствовалось в нем такое внутреннее, душевное движение, как будто не одно знание и ум диктовало ему лекцию, но и еще какая-то страсть — к философии, к мысли, к Древней Греции», — добавлял Н. Н. Русов, один из его учеников¹⁹.

В начале 90-х годов XIX в. серьезно заявил о себе как о лекторе молодой приват-доцент Павел Николаевич Милюков. А. А. Кизеветтер, слушавший его курсы, так отзывался о нем: «Лекции Милюкова производили на тех, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно потому, что перед нами был лектор, вводивший нас в текущую работу своей лаборатории и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей»²⁰.

Студенты более поздних выпусков донесли до нас впечатления и о самом Александре Альперовиче Кизеветтере. Вот, к примеру, что писал В. И. Пичета: «...большое впечатление производили на многочисленную аудиторию лекции А. А. Кизеветтера, читавшего приват-доцентский курс по истории крестьянской реформы... Этот курс был очень

¹⁷ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 89.

¹⁸ Котляревский С. А. Памяти князя С. Н. Трубецкого // Сб. речей памяти князя Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1909. С. 39.

¹⁹ См.: Русов Н. Н. Воспоминания о князе Сергее Николаевиче Трубецком // Там же. С. 52.

²⁰ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 87.

интересен, хотя был весь проникнут либеральным настроением, как я мог его потом оценить. Блестящее устное изложение, снабженное широкими обобщениями, производило на меня сильное впечатление и послужило толчком для самостоятельных занятий крестьянским вопросом»²¹.

Недостаток времени и места не позволяет нам столь же подробно остановиться еще на целой плеяде университетских преподавателей, работавших в подобном стиле. Однако читатель, вероятно, понял, какими методами и приемами пользовалась данная группа профессоров при чтении лекций. Мы их уже называли и не будем повторяться.

По образному выражению С. Д. Сказкина: «Существует много приемов произнесения лекций, много способов воздействия на слушателя в зависимости от того, что хочет подчеркнуть ученый лектор, на что хочет привлечь внимание, над чем заставить мыслить»²². Тем скорее необходимо познакомиться и с другой группой преподавателей, исповедовавшей в своей деятельности несколько иные педагогические принципы. Прежде всего мы имеем в виду Владимира Ивановича Герье — в то время одного из патриархов отечественной исторической науки, олицетворявшего собой главу этой школы преподавания.

Уже один вид Герье наводил на студентов факультета суеверный ужас: «...высокий, худой, с длинным лицом, самой выдающейся чертой которого был длинный и тонкий нос: очень тщательно, немного старомодно причесанный на косой пробор, со столь же тщательно расчесанной на две стороны окладистой, но не слишком большой бородой, почти без седых волос; одетый всегда в простой сюртук, в отличие от других профессоров, носивших форменные фраки, он всей своей фигурой напоминал протестантского пастора», — вспоминает Ю. В. Готье²³. «Он был человеком прежней формации, — добавляет В. А. Маклаков, — ...он не производил впечатления ни старого ни молодого: казалось, он всегда был тем, чем был в наши дни, т. е. какою-то засохшей мумией, без единой сединки. Время на него не влияло»²⁴. Да и стиль его педагогической деятельности заметно отличался от того, который был у предыдущей группы преподавателей. «Его лекции напоминали его физиономию... его предмет можно было готовить по старым курсам; время тоже в них ничего не меняло ни в форме ни в содержании. Эта манера была связана с его преподавательским мировоззрением. Он приспособлял свои лекции к низкому уровню своих слушателей. Настоящая наука — дело избранных, по Герье, как преподаватель он заботился не о них, а об общей массе аудитории. У меня не было опыта, чтобы знать, какую помощь находили в нем те исключения, которых он оставлял при себе и которые собирались стать профессорами. Быть может, к ним он относился иначе. Но он не старался отыскать их среди слушателей, заинтересовать или выдвинуть. Он как будто всем говорил одинаково: „Куда вам заниматься наукой, когда вы не знаете азбуки?“»²⁵

Лекции свои он читал поэтому в менее увлекательной форме, практически не используя приемов ораторского искусства. «...Он читал ровным и негромким голосом, очень литературно и просто. Все его курсы, над которыми он не переставал работать и которые издавались в литографированном виде, были составлены прекрасно, читались и

²¹ Пичета В. И. Указ. соч. С. 57.

²² Сказкин С. Д. А. Н. Савин как учитель // Памяти А. Н. Савина. С. 50.

²³ См.: Готье Ю. В. Указ. соч. С. 13.

²⁴ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 299.

²⁵ Маклаков В. А. Отрывки из воспоминаний. С. 299.

усваивались легко... Но у Владимира Ивановича была особая манера читать, которая действовала изумительно усыпляюще...»²⁶

В подобном духе работали на факультете и многие другие преподаватели. Назовем среди них известного языковеда и руководителя кафедры сравнительного языковедения и санскритского языка Филиппа Федоровича Фортунатова. По словам В. А. Маклакова: «Он был замечателен тем, что обижался на тех, кто ходил на его лекции. „Вы все равно ничего не понимаете“, — говорил он нам. — „Зачем же ходите? Неужели вы воображаете, что мне это нужно?“ И студенты переставали на его лекции ходить, а он проводил их тет-а-тет с издателем своих лекций, диктуя, исправляя издаваемый текст»²⁷. По этим-то литографированным курсам студенты и сдавали сравнительное языковедение. Как правило, лекции эти были сухи, кратки, крайне логичны и без каких-либо украшений. Заметим, что те из студентов, которые специализировались на Словесном отделении и рассматривали языковедение как свою будущую специальность, были в восторге от курсов лекций Филиппа Федоровича. Ведущие же университеты Европы специально содержали в Москве своих стажеров или перекупали литографии курса Фортунатова у его студентов, чтобы издать их за границей.

Наконец, говоря о лекционном преподавании на историко-филологическом факультете в начале XX в., нельзя обойти стороной и Александра Николаевича Савина. Вот что вспоминает С. Д. Сказкин: «Его лекции с внешней стороны не были блестящи, и надо заметить, что для той области, в которой он работал, это скорее достоинство, чем недостаток... В своих лекциях Александр Николаевич всегда давал почувствовать эту сложность и трудность решения исторических вопросов. Подчеркивая всегда свое отношение к обобщающему методу, он был очень осторожен, делая обобщения. И на кафедре он оставался прежде всего ученым, выносившим сюда свои сомнения и искренно говоривший „не знаю“ в тех случаях, когда это легко можно было обойти молчанием или удачно сказанной фразой. Сознательно воздержаться от решения вопроса при недостатке материала он считал большей заслугой, чем дать необоснованное решение»²⁸.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что существовала в университете и та группа преподавателей, которая в силу разных причин — будь то специфические педагогические принципы или личные качества — не стремилась к широкому использованию приемов ораторского искусства, не делала свой материал увлекательным и доступным для своих слушателей и не заботилась о его легкой усвояемости. При этом определенная характеристика преподавателя часто менялась на противоположную, когда дело касалось семинарских занятий. Иногда хорошему ведению семинаров мешали навыки прекрасного лектора, иногда интеллектуальные особенности и просто черты характера.

Обратимся к примерам. Тот же В. И. Герье, будучи первым, кто ввел в практику работы университета семинарские занятия, не мог лично похвастаться их блестящим проведением. Так, П. Н. Милюков писал: «Профессор Герье параллельно с преподаванием Виноградова устроил свой семинарий по германским „Правдам“, древнейшим памятникам средневекового законотворчества. Он принес нам маленькую книжку избранных мест из „Правд“, и мы должны были вместе с

²⁶ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 13.

²⁷ Маклаков В. А. Отрывки из воспоминаний. С. 295.

²⁸ Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 54.

ним читать текст. Он приходил не подготовившись, и мы этим пользовались. У меня в библиотеке оказался толстый том варварских „Правд” и каких-то декретарий; я мог сличать тексты и, по указаниям Виноградова, разбираться в трудных местах. На этих трудных местах я и ловил профессора. Когда он давал свой хороший перевод, я предлагал свой вариант, более или менее правдоподобный. Герье терялся и не знал, как выйти из положения, — что нам и было нужно»²⁹.

Об этом же говорят и другие мемуаристы. Однако вопрос заключался не столько в том, что, «...обладая умом живым и острым, он в то же время был чрезвычайно ненаходчив, быстро терялся и начинал сердиться на собственную растерянность...», сколько в том, что «...характер Герье был строптивый, капризный и язвительный. Тяжелый он был человек. Когда к нему собирались его ученики, среди которых были люди самых разных возрастов, его домашние ревностно наблюдали за тем, чтобы в разговорах не поднималось таких тем, которые могли бы рассердить Владимира Ивановича... Противоречить Герье было очень рискованно»³⁰. Очевидно, что студенты, занимавшиеся у него, были поставлены в еще более жесткие рамки. Как пишет Ю. В. Готье: «...резкие выходы бывали у него на экзаменах... Они бывали и на его семинариях. Помню, например, если разбираемая работа была хороша, то профессор был мягок, вдумчив и с удовольствием отмечал хорошие черты работы... Работы, показавшиеся ему почему-либо недостаточными, вызывали с его стороны такую язвительную критику, что несчастный критикуемый был выводим из себя... Вот, думаю, мне, причины непопулярности этого выдающегося профессора»³¹.

Семинары по русской истории появились в учебном плане историко-филологического факультета несколько позже. М. М. Богословский по этому поводу писал: «Отсутствие семинария по русской истории особенно печалило некоторых студентов следующего за мной выпуска (1891 г. — Д. Г.)... Тогда несколько третьекурсников во главе со студентом М. Н. Покровским ... решили во что бы то ни стало добиться от Василия Осиповича занятий по юридическим памятникам и вступили с ним в переговоры. Со свойственным ему дипломатическим искусством Василий Осипович оттягивал и откладывал дело, но М. Н. Покровский был очень решителен и настойчив, и Василий Осипович сдался»³². Эти события положили начало семинарам В. О. Ключевского по «Русской Правде».

По прошествии времени, когда писались те источники, которыми мы ныне пользуемся, их авторы уже довольно критически отнеслись к своему кумиру студенческих лет. Вот какую оценку дал семинарам по «Русской Правде» В. И. Пичета: «Я столкнулся с Ключевским на четвертом курсе ... когда он должен был вести практические занятия по „Русской Правде”. Я записал полностью его в высшей степени оригинальный и интересный курс, но на практических занятиях я ничему не научился. Ключевский не учил нас работать над памятником и не вводил нас в лабораторию научной работы, а занимался толкованием отдельных слов и выражений. Это было интересно, ново, полезно для студентов IV курса. Многое было тогда отлично усвоено, но это были лекции, а не практические занятия. Мы не учились работать в семина-

²⁹ Милюков П. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 90.

³⁰ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 65.

³¹ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 27.

³² Богословский М. М. Ключевский-педагог//Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 41.

ре Ключевского, ибо не пробовали своих научных сил под руководством такого мастера, каким был В. О. Ключевский...»³³

Буквально то же самое можно прочесть и у других участников семинаров этого историка. Так, Ю. В. Готье оставил нам следующее наблюдение: «...его семинарий был, в сущности, также лекциями, но только лекциями специальными. Он делал обзор источников по русской истории. В краткое время, которое он занимался с нами, он читал нам о летописях и об источниках для изучения Смутного времени. Это было очень содержательно и не менее интересно, чем его общий курс»³⁴.

Можно спорить относительно того, насколько были полезны студентам семинары В. О. Ключевского³⁵, однако ясно, что не всегда дар прирожденного лектора столь же полно реализуется в проведении семинарских занятий. Впрочем, свою неудовлетворенность их результатами отмечал и сам Василий Осипович, когда писал в своих дневниках об участниках его семинаров: «...ученики — больше рассуждают, чем понимают, больше толкуют, чем истолковывают. В выносимых ими впечатлениях больше самоуверенности, чем самосознания. Из этого и складывается мираж исторического понимания»³⁶.

На этом фоне резко выделялся своей манерой проведения семинаров молодой профессор кафедры всеобщей истории Павел Гаврилович Виноградов, который довел этот тип университетских занятий до своего логического совершенства.

«...Тогда это был стройный, красивый, молодой профессор, являвшийся на кафедру не иначе как в черном фраке и белом галстуке», — вспоминает о нем А. А. Кизеветтер³⁷. И хотя, по словам В. П. Бузескула, «ему предшествовала молва, что он горд и недоступен, его называли „Лорд Виноградофф“»³⁸, «он импонировал нам своей серьезной работой над интересовавшими нас сторонами истории... А кроме того, он сразу привлек нас к себе тем, что в противоположность Герье не отгораживался от нас и не снисходил к нам, не приходил в затруднение от наших вопросов, и, наоборот, вызывал их, трактовал нас, как таких же работников над историческим материалом, как и он сам,» — добавляет П. Н. Милюков³⁹.

Все эти качества молодого ученого особенно проявились в проведении семинарских занятий, где наиболее отчетливо чувствовалось отличие его педагогического подхода от принципов Герье. Как писал В. А. Маклаков, «Виноградов не хуже Герье понимал неподготовленность наших студентов для серьезной работы, но не строил на ней системы преподавания, не сделал задачей университета заменить собою то, чего гимназия не давала. Он устроил параллельные семинарии. Один, обязательный, общий, другой, необязательный, для избранных, как мы говорили не без претензии „для специалистов“»⁴⁰.

Что касается общеобязательных семинаров, которые вел Павел Гаврилович по истории древней Греции и средних веков, то по воспо-

³³ Пичета В. И. Указ. соч. С. 58.

³⁴ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 25.

³⁵ Нужно иметь в виду, что некоторые исследователи придерживаются на этот счет иного мнения. См.: Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в до-революционной России середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

³⁶ Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 378.

³⁷ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 70.

³⁸ Бузескул В. П. Воспоминания о П. Г. Виноградове // Архив МГУ. Ф. 213.

Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

³⁹ Милюков П. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 90.

⁴⁰ Маклаков В. А. Орывки из воспоминаний. С. 310.

минаниям участников этих занятий они проходили в обсуждениях рефератов, которые писались студентами по темам, предлагаемым руководителем. Вот эти-то обсуждения и «...давали не меньшее эстетическое наслаждение, чем лекции Ключевского. Виноградов умел заставить работать перед собой, вызывал возражения, старался отыскать в каждой сказанной глупости или наивности зерно правильной мысли: принимался развивать чужую идею, показывая, куда она приводила и где находилась ошибка»⁴¹. П. Н. Милюков отмечал: «Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа и до некоторой степени ей научились. ...Он мог задавать нам работы по первоисточникам, не боясь остаться позади нас, а наоборот, с удовольствием приветствовал всякие новые выводы... Так он ставил нас сразу на собственные ноги в избранной нами области, и мы сразу чувствовали, что растем, и не могли не испытывать величайшего удовлетворения, а к виновнику этого — глубочайшей благодарности»⁴².

Именно эти обязательные семинары и формировали основной костяк тех студентов, которые спланивались вокруг Павла Гавриловича для более глубокого изучения проблем всеобщей истории. На факультете их полушутя-полусерьезно звали «павликианами».

«Виноградовские семинаристы были приглашаемы на дом к профессору, где они встречались с более старшими историками, и где велись научные собрания более высокого типа. Там разбирали новинки научно-исторической литературы, там работали над подготовкой диссертаций, делали предварительные сообщения о своих изысканиях, и только что покинувшие студенческую скамью неопиты исторической науки сходились с историками ряда предшествующих поколений»⁴³. Семинар просуществовал до 1896 г., когда дебаты на квартире Виноградова были перенесены в стены только что открытого Московского исторического общества.

Многие из участников виноградовских собраний унаследовали педагогические приемы и методы своего руководителя, а некоторое время спустя, уже сами в качестве университетских профессоров с успехом проводили их в жизнь. В частности, это можно сказать о Павле Николаевиче Милюкове, который во многом сформировался как педагог именно под влиянием Виноградова. Ю. В. Готье писал: «Час моих сознательных интересов пробил на 3-й год моего пребывания в Университете, а именно, благодаря семинарию П. Н. Милюкова. Темы были даны по всей русской истории... мы практически вводились в изучение памятников. По методологическим приемам семинарий Павла Николаевича был совершенно в виноградовском стиле. Та же вдумчивость, выдержанная строгость и внимание при разборе темы. И нужно сказать, что университетской педагогикой Павел Николаевич владел вполне»⁴⁴. То же можно сказать о других участниках виноградовских семинаров и его учениках.

В этой связи хотелось бы отметить такого известного русского историка-медиевиста, как Дмитрий Моисеевич Петрушевский. «...Талант Д. М. Петрушевского как учителя всего шире развертывался в его блестящих семинариях. В основу семинарских занятий Дмитрий Моисеевич всегда клал определенный источник. Ставились очень точные и определенные темы строго конкретного содержания. Каждая тема разрабатывалась на основе строжайшего, углубленного изучения

⁴¹ Там же.

⁴² Милюков П. Н. Мои воспоминания. С. 90.

⁴³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 70—71.

⁴⁴ Готье Ю. В. Указ. соч. С. 23.

источника. Каждое положение доклада должно было основываться на строго выверенных аргументах, взятых непосредственно из источника. В требованиях строгой методики работы Д. М. Петрушевский был беспощаден... На ограниченном и строго определенном материале студенты учились проделывать исследовательскую работу, что еще важнее, учились строгой научной честности, суровой ответственности за каждое написанное и сказанное слово...» — писал известный советский медиевист Е. А. Косминский, учившийся у Дмитрия Моисеевича в пред-революционные годы ⁴⁵.

«Семинарии Д. М. Петрушевского, — добавляет коллега Е. А. Косминского по этим занятиям, А. И. Неусыхин, — были подлинной творческой школой творческой научной работы. Будучи сам ярко выраженной творческой индивидуальностью, он и в своих учениках пытался воспитать прежде всего творческие импульсы. Но эта задача исполнялась им в процессе приобщения учеников к строго научным методам изучения исторических источников... При этом Дмитрий Моисеевич не смотрел на такое усвоение техники исторического исследования только как на прием обучения: он всегда стремился к тому, чтобы оно перерастало в самостоятельную научно-исследовательскую работу студентов... И когда студенты зачастую смущались тем, что отыскиваемая ими истина, может быть, давно уже открыта наукой... он неизменно одобрял их следующими соображениями: ведь и ученый, впервые открывший искомую истину, тоже шел к ней своими путями, — идите и вы своим путем; пусть вы придете к уже ранее найденному, откроете уже известное, но вы ведь самостоятельно откроете это, и, следовательно, проделаете работу исследователя. Более того, может случиться, что попутно вы заметите в источнике и что-нибудь такое, чего никто не заметил» ⁴⁶.

Наконец, в этой связи необходимо вновь обратиться к уже известному нам преподавателю историко-филологического факультета Московского университета, также ученику П. Г. Виноградова — Александру Николаевичу Савину. Известный советский медиевист, участник семинара А. Н. Савина, С. Д. Сказкин впоследствии писал: «...мы собирались часа за два до прихода Александра Николаевича и читали наши доклады, т. е. обычных двух часов не хватало на разбор, который мы ожидали с некоторым душевным трепетом. Каждую из подаваемых работ Александр Николаевич рецензировал, имея под рукой весь материал. Насколько тщательно он делал это, можно судить по его дневникам. Каждой работе он отводил по 2—3 страницы замечаний, написанных с сокращениями слов и без того убористым почерком. Каждое утверждение, каждый вывод работы прослежен был по всем пунктам аргументации... Насколько тщательно Александр Николаевич прорабатывал материалы ... можно судить по тому, что он исправлял все неправильные ссылки... В общем в рецензии он давал самостоятельную работу на ту же тему, что и рецензируемый...» ⁴⁷ «Но самое ценное в нем как руководителя было то, что он работал все время сам и давал поэтому указания, которые озаряли путь запутавшемуся в дебрях материала ученику. Его замечания — а их всегда было много и всегда интересных — могли бы послужить темой для целых исследований...» ⁴⁸

⁴⁵ См.: Косминский Е. А. Дмитрий Моисеевич Петрушевский // Средние века. Вып. 2. С. 10.

⁴⁶ Неусыхин А. И. Дмитрий Моисеевич Петрушевский // Там же. С. 24.

⁴⁷ Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 53.

⁴⁸ Там же.

Мы были бы непоследовательными, если бы не показали стиль семинарского руководства и представителей младшего поколения историков, работавших в области русской истории. Между тем там есть свои поучительные примеры.

Вот что писал о своих впечатлениях от семинара профессора Михайла Михайловича Богословского, столь часто цитированного нами на этих страницах, Н. М. Дружинин — видный советский историк, а тогда студент историко-филологического факультета: «...педагогический талант проф. М. М. Богословского сильнее всего проявлялся в семинарских занятиях. Прекрасный знаток древнерусских текстов, он умел всесторонне и тонко анализировать юридические нормы, привлекая богатую историческую литературу и подводя к важным социологическим выводам. Образцом таких занятий мог служить семинарий 1911—12 гг. по „Русской Правде“. Первые месяцы М. М. Богословский сам читал и толковал нам тексты Краткой и Пространной Правд, раскрывая значения отдельных терминов и статей, сопоставляя имевшиеся комментарии и спорные точки зрения, датируя и обособляя друг от друга наслоения сохранившихся списков. В дальнейшем он предложил участникам семинария представить собственные рефераты на выдвинутые темы, которые охватывали важнейшие проблемы источника. Представленная студенческая работа поступала на рассмотрение желающих оппонентов, дававших развернутую критику ее содержания. Диспут велся под руководством профессора, но сам руководитель не вмешивался в прения и не навязывал студентам собственного понимания текста»⁴⁹.

Таким образом, мы наблюдаем по крайней мере три существовавших традиции проведения семинарских занятий на историко-филологическом факультете Московского университета. Первая представлена в практике старшего поколения историков. Главный упор в своих занятиях они делали не столько на разборе рефератов, сколько на толковании на своих занятиях исторических источников. П. Г. Виноградов и большинство его учеников, напротив, концентрировали внимание на конкретной, практической работе над рефератами с последующим разбором их на общем собрании семинара при большей или, чаще всего, меньшей доле участия руководителя. При этом в основе подобной работы лежало глубокое и самостоятельное изучение студентами конкретных источников. Наконец, третья традиция, с которой мы сталкиваемся в последнем из рассмотренных случаев, представляет собой некий промежуточный вариант, сочетавший две первые традиции.

За недостатком времени и места, а в ряде случаев и свидетельств мемуаристов, мы не смогли остановить свое внимание на деятельности очень многих работавших на факультете профессоров и преподавателей. Но даже на основании приведенных воспоминаний ясно, что учебный процесс на факультете был неоднороден. При всем единстве методических приоритетов (первостепенное внимание к источнику, требование самостоятельности студенческой работы и пр.) пути преподавателей к студентам были различны. Это ярко проявлялось в конкретных формах преподавательской деятельности.

⁴⁹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. С. 15.